

20. Святой преподобный Сергей Радонежский. Жизнеописание, составленное к 500-летию со дня кончины Преподобного Сергия в 1892 г. иеромонахом Никоном (Рождественским), впоследствии архиепископ Вологодский и Тотемский. - Санкт-Петербург, 2005. - С. 188-198.
21. Святые воины. - М. : Глас, 2005.
22. Святые воины Пересвет и Ослябя // Интернет-страница церкви в Старом Симонове. simonovo.muslib.com
23. Собор Тульских святых // Журнал Московской Патриархии. - М., 1988.- №2. - С. 20.
24. Собор Тульских святых. // Официальный Интернет-сайт Тульской епархии. www.ortodox-tula
25. Современная православная икона. - М. : Современник, 1994. - С. 117, 126-127.
26. Список чудотворной иконы Божией Матери "Донская" // Патриархия.ru
27. Черный, В.Д. «Мамаево побоище» в древнерусских миниатюрах (миниатюра как культурно-исторический феномен) // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины : материалы юбилейной научной конференции. - М. : Издательство Московского университета, 1983. - С. 207-208.

В.В. Крашенинников,

к.и.н., доцент Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского

Патрик Гордон и его пребывание в Севске

Среди военных деятелей России последней трети XVII в. одно из наиболее почетных мест занимает Патрик Леопольд Гордон, хотя начальные этапы его жизни ничего подобного не предвещали. Выходец из старинного шотландского дворянского рода, вынужденный из-за приверженности свергнутой королевской династии Стюартов в 1652 г. в 17-летнем возрасте поки-

нуть родину после установления власти О. Кромвеля, юный дворянин оказался в Германии, где сначала обучался в иезуитской школе, но покинул ее с несколькими монетами в кармане и мешком книг в руках. В 1653 г. П. Гордон в Гамбурге завербовался в войско шведского короля Карла X в качестве рядового кавалериста. Военные способности юноши были вскоре замечены, и ему было присвоено первое офицерское звание. Участвуя в шведско-польской войне, попал в плен, а в 1660 г., уже как офицер польской армии, впервые принял участие в боевых действиях против русских войск.

Находясь на службе в армии Речи Посполитой, П. Гордон в 1659 г. начал вести свой "Дневник", ставший впоследствии ценнейшим источником для изучения военной и политической истории второй половины XVII в. Принцип отбора материала четко определен автором "Дневника": "Одни события, главным образом военного значения..., я излагаю в строгой последовательности, другие наряду с фактами из своей собственной жизни; но во всех случаях я говорю о событиях, хорошо мне известных, в большинстве из которых я участвовал и наблюдал их сам". Особо П. Гордон оговаривал, что писал он, "не заботясь об одобрении со стороны других, так как... удовлетворить всех с давних пор считается делом невозможным".

В 1661 г., участвуя в переговорах с русской делегацией об обмене пленными, П. Гордон получил приглашение перейти на русскую службу и согласился его принять. В сентябре того же года он был зачислен в чине майора в драгунский полк своего земляка А. Кроуфорда. Несмотря на отдельные проблемы (П. Гордон отказался присягать российскому царю "на вечные времена", согласившись лишь на службу до окончания русско-польской войны, и продолжал считать себя британским подданным; до конца своих дней он оставался правоверным католиком, хотя обычно наемные иностранные офицеры соглашались переходить в православие), знающий, инициативный и добросовестный офицер был замечен и поддержан не только непосредственным начальством, но и представителями верхов, в частности,

тестем царя боярином И.Д. Милославским. В сентябре 1662 г. он уже получил чин подполковника, а после участия в 1663-1664 гг. в боевых действиях против польско-литовских войск был произведен в феврале 1665 г. в полковники, продолжая служить в Москве. Устроилась и личная жизнь П. Гордона – он женился на юной дочери находившегося на русской службе нидерландского полковника Ф. фон Бокхофена Катарине.

Получив известие о смерти старшего брата и о необходимости уладить дела о наследстве, П. Гордон обратился с просьбой об отпуске, но получил такое согласие не сразу и лишь при условии выполнения правительственного поручения, связанного с русско-английской торговлей. Успешно решить довольно щекотливый вопрос П. Гордону не удалось, что вызвало недовольство московских властей и удаление опального полковника из Москвы. В 1668-1671 гг. он находился на службе в Трубчевске, Брянске, Новом Осколе, а с 1671 г. оказался в Севске в качестве командира одного из драгунских комаричских полков. К сожалению, дневниковые записи П. Гордона с лета 1667 г. до конца 1676 г. не сохранились, что делает невозможным подробное рассмотрение обстоятельств его севской жизни и службы.

Впрочем, судя по дневниковым записям, еще в то время, когда П. Гордон не был в Севске, отдельные события в этом городе уже привлекали его внимание. В январе 1662 г. в "Дневнике" П. Гордона появилась такая запись: "Татары предприняли набег до самого Севска и 400 солдат нашего полка с русскими офицерами были направлены для удержания проходов через засеки – это полосы леса, растущего столь густо, что коннице не пробраться, да и пехоте едва ли, кроме как по большим дорогам, кои укреплены фортами. Оные татары, бесчинствуя до самого Карачева, захватили много пленных и богатую добычу, но на обратном пути, у д. Прутки, ночью порою были застигнуты врасплох и разгромлены князем Григорием Семеновичем Куракиным. Пленные и большая часть добычи были возвращены, а множество татар перебито и захвачено, среди пленных были

мурзы из князей Ширинских". Если в сведениях о засеках, о которых П. Гордон мог знать пока лишь по разговорам, он не совсем точен, то обстоятельства набега крымских татар и их разгрома переданы им верно и с некоторыми интересными деталями.

В октябре того же года в "Дневнике" появилась любопытная запись: "Полковник Штрасбург, будучи оскорблен и вызван полковником Лицкином на дуэль, убил его в Севске". Сравним ее с цитатой из книги А.В. Кацуры "Поединок чести. Дуэль в истории России": "Первая дуэль западного образца на русской земле случилась в 1666 г. в Москве, в немецкой слободе. Участниками дуэли были чужестранцы – англичанин майор Монтгомери и шотландец Патрик Гордон". Как видим, А.В. Кацура, подробно описавший названную дуэль на основании "Дневника" П. Гордона, неправ в главном – этот дуэльный поединок не был первым. Но и севская дуэль двух иноземных полковников тоже, оказывается, не была первой. В документах из фондов Оружейной Палаты, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, есть "Дело об убийстве сержантом иноземцем Петром Фельсом сержанта Григория Томосова на поединке". Относится оно еще к сентябрю 1639 г. и свидетельствует, что в дуэлях XVII в. участвовали не только иностранцы, но и русские военнослужащие.

Некоторые сведения "Дневника" П. Гордона связаны с продолжавшейся русско-польской войной. В июле 1663 г. он написал: "Мы весьма опасались замышляемого поляками вторжения. Князю Я.К. Черкасскому было приказано идти из Москвы к Севску". В октябре того же года: "Боярину П.В. Шереметеву велено идти на службу в Севск". Наконец, в феврале 1664 г. П. Гордон, сообщая о том же боярине П.В. Шереметеве (Большом), писал, что он "имел приказ примкнуть к боярину Черкасскому в Почепе, но был отозван и пошел в Севск". Таким образом, еще в 1660-х гг. П. Гордон уже располагал определенной информацией о Севске, о находившихся там воеводах и других начальных людях. С большой долей вероятности можно утверждать, что

эти сведения существенно пополнились в период службы П. Гордона в ближайших к Севску городах – Брянске и Трубчевске (возможно, что уже тогда ему впервые довелось побывать на севской земле), но точных данных на этот счет нет.

Что же все-таки можно установить о жизни П. Гордона в Севске? Во-первых, он как бы предвидел, что служба в Севске растянется на несколько лет (так, действительно, и случилось – его перевод из Севска произошел только в 1678 г.), и поэтому решил взять сюда жену и двух сыновей. Но сначала надо было создать условия для семейной жизни, и в 1672 г. П. Гордон построил в Севске собственный дом и необходимые надворные помещения. Сосновый лес для дома был куплен в с. Негино Трубчевского уезда, дубовый и другой лес для конюшен и прочих строений – в деревне Ивачевой, а "доски в Севску в торгу на свои денги". В доме было две комнаты и две горницы, а также рубленые сени, два погреба, три изразцовых печи (две белых, одна зеленая), 14 застекленных окон. По соседству находились: "изба чёрная, да паварня рубленая; мыльня, перед нею сени рубленые, ... ледник, амбар, сенник", а также три обширных конюшни. Все строения были покрыты дранью. К дому и хозяйственному двору примыкал огород и большой сад, в котором росли 96 яблонь, 32 вишни, 5 слив, 17 рябин, по одному дереву грецкого ореха и бузины, 4 больших куста крыжовника, куст барбариса, а также "гряда смородины белой в длину девяти сажень".

Сведений о семейной жизни П. Гордона в Севске практически не сохранилось. Его молодая любимая жена Катарина умерла, вероятно, не позже середины 1670-х гг. Двое сыновей, Джон и Джеймс (по-русски их называли Иван и Яков), жили с отцом – к 1677 г. им было соответственно около 10 и 9 лет. Их обучением и воспитанием занимался приглашенный П. Гордоном молодой образованный немец Эрнст Готтлиб фон Берге (позже наставник сыновей П. Гордона покинул Россию, жил в Англии и Пруссии, занимался литературным творчеством, в частности, первым перевел на немецкий язык поэмы выдающегося

английского поэта Д. Мильтона, а также перевел "с одного славянского манускрипта" описание Сибири).

Служебную деятельность П. Гордона в период его пребывания в Севске можно характеризовать лишь краткими штрихами: согласно послужному списку, он в 1674, 1675 и 1676 гг. "из Севска... был на службе в Каневе, Переяславе и в Чигирине при пленении Дорошенко", – естественно, во всех этих походах вместе со своим полком комарицких драгун. Не вдаваясь в подробности этих походов, связанных с угрозой вторжения на Левобережную Украину войск турецкого султана и гетмана Правобережной Украины П. Дорошенко, стоит лишь отметить, что дальние походы русских ратных людей (до Днепра и даже на его правый берег) не были достаточно обеспечены продовольствием, что приводило к большому количеству побегов.

Не случайно 26 октября 1676 г. П. Гордон и два его ближайших сотоварища по командованию полком комарицких драгун подполковник Александр Лэнделс и майор Вильям Хэй обратились с челобитной к царю Федору Алексеевичу. В ней они писали: "Служим мы, холопы твои, тебе, Вел. Государю, в Севском полку и в нынешнем... году были мы... на твоей... службе под Чигирином с комарицкими драгуны и октября в 9 день мы... с твоей... службы отпущены в Севск. А ныне ж... велено нам... быть с полком на твоей... службе в полку окольного и воеводы у князя Григория Афанасьевича Козловского. И будучи мы... на... службе в зимних и летних походах, оскудали и одолжали и лошадьми опали, а твоего... жалованья на нынешний... год нам... ничего не дано. А нам... без твоего... жалованья служить и поднятца нечим. И о том... мы... в Севску в приказной избе стольнику и воеводе Леонтью Романовичю Неплюеву да дьяку Борису Остолопову подавали челобитную. И оне... сказали нам...: прислана де к ним в Севск... грамота, что без твоего, Вел. Государя, указу и без грамот из Разряда (Разрядного приказа, ведавшего служилыми людьми – В.К.) ... денежной казны ни на какие расходы давать не велено. ... Вели, государь, нам... для... службы и нашей нужды и скудости свое... годовое жало-

ванье на нынешний... год выдать, чтоб нам... было чем на твою, Вел. Государя, службу поднятца и впредь твоей... службы не отбыть".

Что касается отношений между П. Гордоном и подчиненными ему комарицкими драгунами, то они не были (да и не могли быть) безоблачными. Ведь во всех тяготах службы и походов ратные люди обычно винили, прежде всего, своих непосредственных начальников, а привычка к дисциплине и требовательность по отношению к подчиненным, присущие П. Гордону, нравились, конечно, далеко не всем комарицким драгунам, уже не раз писавшим в Москву челобитные с просьбами избавить их от воинской службы. Этим можно объяснить тот сообщаемый П. Гордоном в "Дневнике" факт, что в январе 1677 г. несколько драгун его полка, подстрекаемых генерал-майором А. Трауэрнихтом, подали на своего командира жалобу. Содержание жалобы было 26 января доложено царю Федору Алексеевичу и членам Боярской Думы, но все обошлось без серьезных последствий. В защиту П. Гордона выступил боярин князь Г.Г. Ромодановский, хорошо знавший полковника по службе, который заявил, что "это всего лишь клевета и ложь", поскольку П. Гордон "поддерживал добрую дисциплину и не позволял... проказ и отлучек". Во время разбирательства дела, 28 января П. Гордоном было получено письмо из Севска, в котором за подписями трех священников жители двух десятков селений, где размещался его полк, свидетельствовали, что они ничего против него не имели и к ходатайству против него не причастны. Письмо стало дополнительным подтверждением, что со стороны П. Гордона ни серьезных злоупотреблений властью, ни притеснений комаричан не было.

В Севск из поездки в Москву П. Гордон вернулся 1 апреля 1677 г. Относящиеся к этому времени дневниковые записи достаточно лаконичны, но в то же время называют немало примечательных лиц, бывавших в Севске. Так, уже в день прибытия П. Гордон встретил здесь боярина князя И.Б. Троекурова, направленного воеводой в Киев, но не слишком торопившегося

туда. 3 апреля П. Гордон пригласил на ужин боярина Троекурова, а также севского воеводу Л.Р. Неплюева "с начальными людьми", которые "явились и весело пировали". На следующий день полковник вместе с другими севскими руководителями "проводили боярина по дороге за ручей Сосню". До Киева сопровождал кн. И.Б. Троекурова отряд комарицких драгун из полка П. Гордона во главе с полковником А. Лэнделсом.

4 мая в Севск "явился генерал-майор Трауэрнихт, назначенный комендантом в Чигирин". Хотя с прибывшим генералом отношения у П. Гордона были натянутыми из-за поддержки (скорее всего, не бескорыстной) А. Трауэрнихтом жалобы комарицких драгун, автор "Дневника" ни здесь, ни в других случаях, когда упоминается генерал, не проявляет своих отрицательных эмоций, а, сообщая о его деятельности по подготовке Чигирина к обороне, отмечает его распорядительность.

9 мая в Севск из Киева прибыл окольный А.П. Головин (позже – боярин), отец одного из виднейших в будущем соратников Петра I, дипломата и военного деятеля Федора Алексеевича Головина. Приехавший "на следующий день отбыл отсюда" и, как сообщал П. Гордон в "Дневнике", "мы обедали с ним на другой стороне севского моста", т.е. в Замарицкой части города.

В связи с угрозой нападения турецких войск на Украину 14 мая в Севск "прибыли шесть приказов стрельцов; трем велено идти в Киев и трем в Чигирин; всего в оных было около 4200 человек" (стрельцы расквартированных в Москве полков по традиции до 1680 г. делились на "приказы", каждый из которых состоял из нескольких "сотен"). 17 мая в Севск прискакал гонец из Москвы с распоряжением прибывшим стрельцам "немедля отправляться прямо в Киев и Чигирин", и 24 мая московские стрельцы выступили на Украину.

Еще раньше, 15 мая, прибыла царская грамота с приказом "держатъ полки в готовности к походу по первому уведомлению", и поэтому в начале июня П. Гордон послал своих офицеров собирать полк, а 9 июня был проведен смотр полка. Тем

временем к Севску приближалась еще одна группа войск, вышедших из Москвы, под командованием боярина князя В.В. Голицына. 12 июня П. Гордон "встретил боярина Голицына" и вместе со своим полком "сопроводил его в Севск". При боярине "находилось много дворян" и приказ стрельцов "примерно 700 человек".

На следующий день, как сообщал П. Гордон в "Дневнике", он "отобедал с боярином и предполагал сняться после полудня, но когда боярин заявил, что желает меня повидать в моем доме, я остановил свои подводы и угостил его как можно лучше". Тогда же в Севск прибыл "товарищ" князя В.В. Голицына по предстоящему походу думный дворянин А.В. Толстой (позже – окольничий, особенно известный как отец выдающегося политического деятеля первой четверти XVIII в. Петра Андреевича Толстого). Проездом в Севске оказался и дьяк Иван Михайлов, который "проследовал в Путивль", где ему было поручено организовать чеканку чехов (так на Украине называли польские серебряные монеты достоинством в полтора гроша, которые русское правительство пыталось вытеснить из обращения, заменив собственными аналогичными монетами; но в 1677 г. наладить выпуск "чехов" в Путивле не удалось, а сделано это было лишь в 1686-1687 гг. в Севске).

По росписи войск комарицкие драгуны, в том числе и полк П. Гордона, были включены не в состав армии боярина кн. В.В. Голицына, собиравшейся в Севске, а в состав армии боярина кн. Г.Г. Ромодановского, местом сбора которой был назначен Курск. 14 июня П. Гордон выехал из Севска к месту расположения своего полка – в деревню Девятино, на северо-восток от Севска (сейчас это селение относится к Дмитровск-Орловскому району). В 12 верстах от города он повстречал окольничего кн. Г.А. Козловского, направлявшегося в Севск вместе с двумя приказами московских стрельцов, "около 700 человек в каждом". Вечером того же дня П. Гордон прибыл к своему полку, стоявшему лагерем у д. Девятино. Последующий путь полка проходил через Власовку, Трояново, Гнань (эти селения сейчас отно-

сятся к Дмитровск-Орловскому и Железногорскому районам). Первоначальная дислокация полка П. Гордона и его путь позволяют сделать однозначный вывод, что районом комплектования полка и постоянного проживания его драгун был Радогощский стан Комарицкой волости (все перечисленные селения относились к этому стану).

К Курску полк П. Гордона численностью в 916 человек подошел 20 июня. Здесь уже находились первый московский выборный солдатский полк (2 тыс. человек) под командой генерал-майора А.А. Шепелева (позже был "думным генералом" и окольным), приказ московских стрельцов (около 600 человек) во главе с полковником С.Ф. Грибоедовым, а также 4 полка из Белгородского разряда. 1 июля к ним добавились войска, приведенные из Москвы генералом В.А. Змеевым, а 5-6 июля – рейтарские полки И. Гулица и Я. Тауэра и солдатский полк Я. Ронауэра (Ронорта) – все из Севского разряда. К концу июля вся армия численностью свыше 42 тыс. человек была в сборе и 28 июля ее основные силы начали движение на Украину.

В "Дневнике" П. Гордона не сохранилось страниц, посвященных описанию дальнейшего пути его полка в составе армии боярина Г.Г. Ромодановского, но ни этот путь вместе с казаками гетмана И. Самойловича к Днепру, ни бои с турецко-татарскими войсками на правом берегу Днепра близ Чигирина не имели прямого отношения к севской службе П. Гордона. Однако проявленные им во время боев военно-инженерные способности, распорядительность и активность были замечены и его сотоварищами по службе (30 августа, когда турки уже отошли от Чигирина, П. Гордон был приглашен на обед генерал-майором А.А. Шепелевым и "весьма радушно принят им и его офицерами"), и руководством русской армии (боярин Г.Г. Ромодановский, узнав о намерении полковника покинуть русскую службу и уехать на родину, заявил ему, что "будет сему противиться").

Прибыв 28 августа в Севск и распустив в соответствии с полученным из Москвы указом свой полк по домам, П. Гордон

вносил в свой "Дневник" все сколько-нибудь существенные севские новости. Вот некоторые из них. 7 октября в Севск "явился генерал В.А. Змеев и сего же дня отбыл". 9 октября "приехал князь Василий Васильевич Голицын и пробыл два дня"; 11 ноября севские руководители, включая П. Гордона, "проводили его через севский мост" (армия В.В. Голицына численностью до 20 тыс. человек, среди которых были "многие князья и знатные вельможи", подошла к Днепру несколькими днями позже армии Г.Г. Ромодановского и непосредственного участия в боевых действиях не принимала). 23 октября "из Смоленска в Севск доставлено 4000 предметов вооружения – кирасы, карабины и пистолеты". 28 октября "в Чигирин для стрельцов, кои будут там зимовать, направлены шубы из овечьих шкур". 6 ноября "три приказа стрельцов с их полковниками С.И. Яновым, Л.А. Лопухиным и Н.И. Колобовым пришли из Киева и, оставив здесь артиллерию и боевые припасы, выступили к Москве". 17 ноября "генерал-майор Трауэрнихт с тремя чигиринскими приказами стрельцов прибыл в Севск и после двухдневного отдыха выступил... к Москве". 19 ноября П. Гордон выехал из Севска в Рыльск, где 21 ноября состоялось совещание боярина Г.Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича и "было решено удерживать и оборонять Чигирин", усилив его гарнизон русскими служилыми людьми и украинскими казаками.

Тем временем из Москвы в Севск пришла весть, что в ответ на просьбу британского короля об увольнении П. Гордона царь Федор Алексеевич "милостиво пообещал... отпустить" полковника на родину "после... возвращения из кампании" и подачи соответствующей челобитной. Получив грамоту о приезде в Москву, П. Гордон 24 декабря 1677 г. "пустился в путь из Севска в сопровождении подполковника Лэнделса, трех прапорщиков", а также двух старших сыновей и их учителя Г. фон Берге. Первые три ночевки П. Гордона и его спутников были в селениях Комарицкой волости: деревне Красное Поле (Краснополье) (упомянутой П. Гордоном как "приписанная" к его полку), селе Радогощ, которое являлось центром одноименного ста-

на, где был расквартирован полк П. Гордона, и деревне Добрик, относившейся к Глодневскому стану.

Результатами зимней поездки в Москву полковник был "крайне разочарован". Вместо ожидаемого отъезда на родину он получил новое назначение. Царь Федор Алексеевич и его ближайшее окружение, как сообщал П. Гордон в "Дневнике", "известясь о моих достойных действиях в последнем и прежних походах, избрал меня для отправки в Чигирин". П. Гордон не считал возможным отказаться "от столь опасного и важного поручения". Назначение П. Гордона в Чигирин не было случайным: город в предвидении новых турецких нападений нужно было укреплять, а полковник, хорошо знакомый с фортификационным делом во многих странах, уже успел проявить свои военно-инженерные способности. У А.Г. Брикнера есть сведения, что во время службы в Севске П. Гордон участвовал в укреплении городских оборонительных сооружений, но, поскольку это сообщение приведено без ссылки на источник, уточнить и конкретизировать его не представляется возможным.

Получив жалованье для себя и своих офицеров, а "также барабаны и все необходимое" для своего драгунского полка, он 1 февраля 1678 г. выехал из соседней с Москвой Немецкой слободы и уже вечером 8 февраля прибыл в Севск. На этот раз пребывание его в городе было недолгим. Офицеры, посланные собирать драгун, быстро справились с этим делом, и 16 февраля полк П. Гордона прибыл к Севску. 18 февраля П. Гордон направил письмо к окольному И.И. Ржевскому, который был назначен в Чигирин главным воеводой и должен был прибыть туда из Киева, с уведомлением, что он с полком выступает к Путивлю, а дальнейшее движение согласует с И. Самойловичем. В те же дни, 18-19 февраля, в Севск прибыли три приказа московских стрельцов общей численностью свыше 1,5 тыс. человек, которые были назначены идти в Чигирин. Во второй половине дня 19 февраля П. Гордон "выехал из Севска и ночевал с полком в поле у Поздняшовки", а на следующий день, приказав подполковнику идти с полком в Путивль, направился в Батурин для встречи с

гетманом. Проведя в течение двух дней переговоры с И. Самойловичем "по поводу укрепления и обороны Чигирина", П. Гордон 25 февраля прибыл в Путивль.

Здесь полковник получил две мортиры, стрелявшие гранатами, и 400 гранат весом в 2-3 пуда. В Путивле же П. Гордону была передана царская грамота, предлагавшая ожидать прибывшие в Севск стрелецкие войска и далее двигаться вместе с ними. В первых числах марта к Путивлю подошли сначала драгунский полк П. Гордона, "добравшийся сюда с большим трудом по причине плохой и узкой дороги и тяжелого обоза", затем – три стрелецких приказа во главе с русскими полковниками. Прибыл и оставленный ранее в Севске майор полка П. Гордона "с боевыми припасами", доставивший "2 орудия, 200 пудов фитиля, 200 пудов пороха и столько же свинца, 30 больших бочек сбитня, уксуса и масла, а также почти 2000 пудов пороха для магазина (склада – В.К.) в Чигирин; всего... 12 000 пудов разного рода боевых припасов и провианта, помимо личной провизии драгун, у каждого по полной телеге".

Фактически это последнее из сообщаемых в "Дневнике" П. Гордона сведений, связанных с Севском. На других страницах "Дневника" подробно описан ход проводившихся в мае – начале июля 1678 г. под руководством П. Гордона работ по укреплению Чигирина, а затем обороны города (с 9 июля по 11 августа), где полковник был сначала одним из главных командиров, а после гибели окольного И.И. Ржевского – руководителем обороны города. Лишь изредка встречаются при изложении этих событий упоминания о комарицких драгунах, причем не только об их участии в строительстве оборонительных сооружений и последующих боевых действиях, но и о некоторых негативных явлениях. В частности, во время пребывания полка П. Гордона в Путивле некоторые драгуны совершили "большие бесчинства" по отношению к местным жителям (в чем они проявились, автор "Дневника" не сообщил), однако виновные были обнаружены и строго наказаны. Поскольку участие в дальних походах нарушало привычный порядок жизни комаричан, то

многие из них пытались избежать такой службы, что также было отмечено П. Гордоном. Он сообщал, что 7 июля, получив известие о переправе части драгун из его полка через Днепр и "зная их нравы", спешно послал нескольких офицеров с самыми верными солдатами, "дабы привести оных сюда", т.к. это "были те, кто либо не выступил в поход, либо послал вместо себя наемников и прислугу". Вечером 8 июля посланные офицеры прибыли в Чигирин "с драгунами, числом почти 400, кои пришли столь же охотно, как воры идут на виселицу".

К сожалению, действия главной русской армии, руководимой боярином князем Г.Г. Ромодановским, не отличались активностью, и, хотя она вместе с казачьими частями гетмана И. Самойловича почти не уступала по численности турецкому войску и находилась в непосредственной близости от Чигирина, боярин предпочел не вступать в генеральное сражение с турецкими войсками. Когда же оборонительные возможности Чигирина оказались исчерпанными и от князя Г.Г. Ромодановского поступил письменный приказ о его оставлении, П. Гордон последним из чигиринских командиров оставил осажденный город и лишь по счастливой случайности избежал гибели или плена. Полковник в ночь на 12 августа лишился "слуг, лошадей, доспехов, одежды, денег и всего, что имел при себе", за исключением палаша и пистолета, а также тетрадей с дневниковыми записями, которые он вел даже в дни осады.

Военно-инженерные и организаторские способности, личная храбрость полковника получили известность и признание и в августе того же 1678 г. ему было присвоено звание генерал-майора, а в адресованных ему царских грамотах его впервые начинают называть "Петром Ивановичем".

Поскольку после оставления Чигирина единственным крупным городом на правом берегу Днепра, подконтрольным Московскому государству и украинскому гетману, оставался Киев и можно было ожидать в близком будущем походов турок к этому городу, гетман И. Самойлович в начале октября обратился к царю Федору Алексеевичу с просьбой послать "на служ-

бу в Киев драгунского строю генерала майора Петра Гордана в скором времени, а он, Петр, к осадному времени в Киеве зело надобен". В результате, "по тому гетманскому челобитью", было указано генерал-майора П. Гордона "послать на... службу в Киев не замотчав". 18 октября грамота об этом была направлена главному киевскому воеводе боярину князю М.А. Голицыну, а 5 ноября был послан в Севск царский указ "генералу майору Петру Ивановичу Гордону", в котором сообщалось, что ему "веле-но... быть на... службе в Киеве и ведать пехотные, драгунский и солдатские полки". Соответствующий указ был послан "в Севск к стольнику... и воеводе к Леонтию Неплюеву". В указе П. Гордону говорилось, что "как к тебе ся наша... грамота придет, и ты б на нашу... службу в Киев ехал немешкав, а что тебе ко охранению киевских крепостей каких ратных припасов и подкопных снастей и ратного всякого строю надобно, и ты б о том к нам... писал и прислал за своею рукою роспись".

Однако в Севске царский указ П. Гордона не застал. Вернувшись сюда из чигиринского похода в конце сентября 1678 г. и распустив по домам драгун своего полка, он наскоро подлечил полученные в Чигирине раны и в начале ноября выехал в Москву. Явившись 15 ноября в Малороссийский приказ, П. Гордон узнал о своем новом назначении, которое опять перечеркивало его надежду вскоре вернуться на родину. Десяток последующих дней П. Гордон подготавливал "роспись" о тех дополнительных людских и материальных ресурсах, которые потребуются для обеспечения обороноспособности Киева. Подготовленная "роспись" была рассмотрена 27 ноября, и основную часть запрошенного было решено выделить либо в ближайшее время, либо позже. Так, требуемые боеприпасы и материалы было приказано "отвести нынешним же зимним путем до Брянска, а изо Брянска отвезть в Киев самую первую полою водою на стругах, которые ныне делают в Брянске". Решив необходимые дела в Москве, П. Гордон ненадолго заехал в Севск и в конце 1678 г. прибыл в Киев. Начался новый период его военной службы.

Семья генерала (его вторая жена Элизабет Ронауэр и сыновья) некоторое время продолжала жить в Севске, но затем переехала в Киев. Дом, построенный П. Гордоном за собственные средства, после отъезда семьи был "взят на Великого Государя для постоя боярам и воеводам, как они с полками бывают в Севску". В частности, в этом доме проживал боярин князь В.В. Голицын в свою бытность в Севске в 1681 г. Однако материальной компенсации за дом и надворные постройки прежний владелец не получил, что побудило его в конце 1681 г. обратиться с челобитьем к царю с просьбой "тот... двор в Севску оценить и по оценке" за него "деньги выдать", поскольку, по словам П. Гордона, его сослуживцы, "которые со мною вместе дворы строили, и оне свои дворы попродали". Бояре, рассмотрев челобитную, послали в сентябре 1681 г. распоряжение севскому воеводе Л.Р. Неплюеву провести расследование, в ходе которого подтвердился факт строительства дома и надворных построек П. Гордоном за собственные средства. Однако события 1682 г. (смерть царя Федора Алексеевича и стрелецкое восстание) отодвинули решение по этому делу на задний план. В январе 1684 г. П. Гордон, уже в чине генерал-поручика, вновь напомнил о нем в своей челобитной на имя царей Ивана и Петра Алексеевичей, оценив свои расходы суммой в 150 рублей, но окончательного решения дела не сохранилось. Можно предполагать, что просимую компенсацию П. Гордон получил. Дело в том, что именно в 1684 г. во время приезда генерала в Москву (по пути он дважды ненадолго останавливался в Севске) у него сложились довольно дружеские отношения со знакомым уже ему боярином князем В.В. Голицыным, бывшим фактически главой правительства царевны Софьи. По поручению В.В. Голицына П. Гордоном была подготовлена обстоятельная докладная записка с изложением соображений об отношениях России с Речью Посполитой и Османской империей. Им была, в частности, высказана идея о необходимости завоевания Крымского ханства, без чего невозможно обеспечить устойчивость русских границ на юге.

Жизнь и служба в Киеве были заполнены разнообразной деятельностью, поскольку на П. Гордона возложили и обязанности коменданта города, но не приносили большого удовлетворения, так как сам Киев в то время был удаленным от столичной жизни окраинным городом. П. Гордон продолжал стремиться на родину, однако на новую челобитную получил решительный отказ. Ему лишь позволили в 1686 г. совершить краткую поездку в Англию и Шотландию, но семья его должна была оставаться в Киеве. Вернувшись, П. Гордон вновь подал прошение об отставке, что вызвало раздражение властей. Оно стало еще больше, когда с просьбой отпустить П. Гордона на родину обратился сам король Англии Яков II. Царским указом П. Гордон был лишен генеральского звания и разжалован в младший офицерский чин поручика. Для заслуженного генерала, которому перевалило за 50 лет, такое решение было прямым оскорблением, но возмущение могло закончиться ссылкой в Сибирь. Внешне смирившись, П. Гордон взял назад свою челобитную. Тем временем от короля Якова II прибыло новое письмо, в котором сообщалось, что генерал П.Л. Гордон назначается послом Британии при московском правительстве. Возник непредвиденный дипломатический казус. Чтобы выйти из него без осложнений, правительство царевны Софьи вернуло П. Гордону прежнюю должность и генеральское звание, но повелело "послом не принимать" под предлогом предстоящего участия в большом походе.

Известный Крымский поход 1687 г. под руководством боярина князя В.В. Голицына, в котором участвовал П. Гордон, не принес для России решающего успеха, но в лучшую сторону изменил положение П. Гордона. В сентябре 1687 г. ему было присвоено звание полного генерала, а затем Петра Ивановича (так его теперь всегда именовали в официальных документах) перевели на службу в Москву и назначили командиром Бутырского выборного солдатского полка. В столичную Немецкую слободу переехала и семья генерала.

Участвовал генерал П. Гордон со своим Бутырским полком и во втором крымском походе 1689 г., а при отходе армии боярина В.В. Голицына от Перекопа командовал арьергардом и успешно отразил все наскоки отдельных татарских конных отрядов. На время этого похода приходится последнее кратковременное посещение П. Гордоном Севска. В том же году в период политического противостояния царевны Софьи и царя Петра генерал оказал поддержку молодому царю, с которым успел лично познакомиться в 1688 г. при посещении Петром Немецкой слободы. Переход лучшего в России солдатского Бутырского полка во главе со своим командиром на сторону Петра стал "решающим переломом" в ходе событий.

Последнее десятилетие жизни П. Гордона уже не было связано с Севском, но именно в 1690-е гг. его место в военно-политической жизни России стало особенно значительным. Он вошел в ближайшее окружение Петра I, не только участвуя в многочисленных развлечениях и празднествах молодого царя, но и являясь его военным наставником, чему способствовали весьма обширные познания П. Гордона в различных областях военного искусства, его большой личный боевой опыт. Оставаясь командиром Бутырского полка, П. Гордон по распоряжению Петра I начал руководить обучением Преображенского и Семёновского полков, организовывал и возглавлял столь любимые царем "марсовы потехи" – военные учения, вплоть до известных Кожуховских маневров 1694 г.

Не был чужд сухопутный генерал и военно-морским увлечениям Петра I. Он не раз приезжал в Переяславль, где строилась на Плещеевом озере учебная флотилия, сопровождал царя в его поездке в Архангельск, участвовал в военно-морских учениях на реке Москве, за что был удостоен адмиральского звания.

В 1695-1696 гг. П. Гордон был одним из главных руководителей русской армии во время Азовских походов, а после отъезда Петра I с "великим посольством" в Европу сумел силами солдатских полков подавить стрелецкое восстание в 1698 г., причем, стремясь предотвратить кровопролитие, он трижды

лично пытался убедить стрельцов прекратить мятеж и, лишь убедившись в тщетности этих попыток, приказал применить оружие. Не принимал он участия и в тех массовых пытках и казнях стрельцов, которые были проведены после возвращения Петра I.

В ноябре 1698 г. П. Гордон тяжело заболел, лишь изредка вставая с постели. 31 декабря он занес в свой "Дневник" последнюю запись, в которой выражал "благодарение Богу, что... смог приносить пользу столь долгое время". Петр I несколько раз посещал своего военного наставника во время болезни, а 29 октября 1699 г. царь "собственной рукой закрыл ему глаза, когда тот испустил дыхание". Похоронили П. Гордона с высшими государственными почестями при личном участии царя, всех бояр и генералов русской армии, послов иностранных государств, а также солдатских полков и тысяч москвичей и иностранцев.

В заключение приведем характеристику П. Гордона, данную австрийским дипломатом И.Г. Корбом: "Благоразумие, зрелая рассудительность и предусмотрительность во всем, заботливость украшали Гордона. Не гордясь своей известностью и отличаясь любезностью и приятностью обращения, Гордон особенно сумел привлечь на свою сторону московитов, по природе своей недоброжелательных к иностранцам... Часто величаемый государем именем "батюшка", почитаемый боярами, чествуемый думными, любезный дворянам и любимый чернью – он снискал себе всеобщее уважение".

Источники и литература

Гордон, П. Дневник. 1659-1667 / П. Гордон. – М., 2002.

Гордон, П. Дневник. 1677-1678 / П. Гордон. – М., 2003.

Дневник генерала Патрика Гордона, веденный им во время его шведской и польской служб от 1655 до 1661 г. и во время его пребывания в России от 1661 до 1699 г. Ч. 1, 2. – М., 1892.

Брикнер, А.Г. Патрик Гордон и его дневник / А.Г. Брикнер. – СПб., 1878.

Кацура, А.В. Поединок чести. Дуэль в истории России / А.В. Кацура. – М., 1999.

Шишов, А.В. Знаменитые иностранцы на службе России / А.В. Шишов. – М., 2001.

В.П. Алексеев,
*директор Брянского государственного
объединенного краеведческого музея*

Путешествие жиздринского купца в Палестину и Египет

Хождения были одним из самых популярных жанров русской средневековой литературы. В XIX в. количество путешественников, благодаря техническим усовершенствованиям – изобретению паровоза и парохода, а также политическим изменениям значительно увеличивается. Некоторые из них оставили после себя описания путешествий, которые представляют как исторический, так и литературный интерес.

Одним из таких поздних путешественников был жиздринский мещанин Онисим Симоченков. Рукопись с описанием его путешествия сохранилась в собрании Павла Никитича Тиханова, хранящемся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Общий объем рукописи, вместе с подшитыми с ней паспортом и письмами, составляет 247 листов. Онисим Симоченков был благочестивым человеком и давно хотел посетить святые места и особенно поклониться Живоносному Гробу. Этому препятствовали его торговые занятия и общественные обязанности. Наконец, в возрасте 34 лет, он нашел свободное время и получил у калужского губернатора разрешение на получение заграничного паспорта. Сопровождать его в дальнем путешествии вызвались жиздринские купеческие дети Федор Смирнов и Василий Маркасов.

2 августа 1857 г. Симоченков исповедовался в своих грехах у соборного протоиерея Иоанна Олерова и последний раз